

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ «КАЛУШИ»

Вечер и вернисаж Людмилы Петрушевской в Литературном музее

Данила Возимер

ЛЮБОЙ ребенок, услышав из уст взрослого человека «Калушата подудонились — пуськи бятые!», скорее всего придет в неописуемый восторг и возбуждение, и радость его не будет ведать границ. Совсем не то человек зрелый, опытный. Он, конечно же, задастся вопросами, можно ли считать «бутявок» полноценной частью литературного процесса, почему столь незначительным существам уделяется пристальное внимание Людмилы Петрушевской, и не стоит ли в целях экономии бумаги ограничить число сказок про «Калушу» и «напушку»... Заметим же себе, что русская литература вот уже два века стремится к идеалу народности. Однако в каждую эпоху народность мыслится совершенно особым образом. Если, скажем, сто лет назад народным считался Чехов, а недостижимым идеалом был Крылов, то в советскую эпоху стала цениться народность генетическая. Теперь настало время народности мнимой, но не поддельной, когда писатель только делает вид, что он из народа и для него. Писатель становится автором своего собственного народа. Он творит его, начиная с мифологии и кончая поздней литературой. Такого рода художникам не свойственно ограничиваться одной литературой. Они создают и свою собственную живопись, и иногда науку, религию, музыку, сами становясь целым народом.

Такова Людмила Петрушевская, чей творческий вечер и вернисаж в Литературном музее под названием «Чтение нового, выставка нового» — лучшее доказательство того, что она стремится заполнить собой целый мир.

Вначале были «калуши». Это мифология, поэтому историй про них великое множество, и все они — единое целое. Все же Людмила Стефановна решила, что народность и популярность — понятия близкие, и пошла по стопам Милорада Павича и торопящегося следом Виктора Ерофеева — начала писать «калушачий» словарь.

Затем на свет появились животные — клоп Толик и особенно вобла Антоновна, греющаяся на балконе дома отдыха после кесарева сечения. Истории про этих незадачливых зверушек, которые совсем как люди, — это философские притчи и басни, присущие каждой известной нам культуре.

С приходом человека мир Петрушевской уже не столь

Людмила Петрушевская на фоне ее работы.
Фото автора

ясен и прост. Он приобретает враждебность и неадекватность в отношении героев. Но таква жизнь, что не каждой глупой принцессе попадается умный и добрый Петр, — некоторым фонарь во лбу, а некоторым и пара отрезанных пальцев. Но это не чернуха, а реализм народа Людмилы Петру-

шевской, то есть высшая точка развития ее литературы.

Многие знают Петрушевскую как писателя и практически никто — как художника. Однако если вычесть из нее писателя, останется художник, хотя рисовать она научилась уже в зрелом возрасте. В Литературном музее она выставила серию автопорт-

ретов, несколько кукол, нарисованных акварелью, много цветов, каких не увидишь в жизни, и несколько графических портретов, написанных маслом. Живопись ее не столь оторвана от общечеловеческой традиции, встречаются среди ее работ и стилизации под импрессионистов.